

ДИСКУРСИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТА В УЧЕБНЫХ ПРАКТИКАХ

М. В. ОБОРИНА

Тверской государственный университет, г. Тверь

В статье рассмотрена практика интерпретации текста как модель дискурса интерпретации текста в учебных аудиториях. Интерпретация текста в учебной аудитории является одним из основных способов развития языковой личности.

Ключевые слова: *дискурс, интерпретация, понимание, учебные практики, аналитическое чтение.*

DISCURSIVE TEXT INTERPRETATION IN CLASS

M. V. OBORINA

The paper examines values of discursive text interpretation as part of training designed to provide tools for language and culture acquisition.

Keywords: *discourse, interpretation, understanding, class activities, analytical reading.*

But let us try to approach a narrative work with
common sense and compare the assumptions we can
make about it with those we can make about the world.

Umberto Eco, On Literature

Интерпретативные курсы, такие как аналитическое чтение или внимательное чтение (*close reading*) ориентированы не столько на литературу и художественные тексты как таковые, сколько на изучение взаимодействия художественных и прочих текстов и механизмов их ответственности. Сам по себе термин *текст* в этой связи оказывается несколько размытым, поскольку речь идет скорее о *дискурсах*, в которых сами тексты являются следами коммуникативных событий. Такое событие может быть представлено как в виде словесного описания, так и в виде зрительных образов. Подобный подход к используемым в учебной среде текстам/дискурсам позволяет максимально эффективно формировать и задействовать языковые компетенции, и при этом – выводить реципиента на достаточно высокий уровень развития языковой личности [1]. В практике такой работы тексты уже не делятся по уровням сложности, каждый текст рассматривается в соответствии с возможностями языковой личности на данном этапе развития. Напомним, что модель языковой личности [1; 2] позволяет описать уровневое развитие языковой личности в соотношении с уровнями языка и типами языковой деятельности.

Описание инструментов, которые могут быть присвоены и использованы для интерпретации текста в рамках критических и аналитических стратегий «внимательного чтения», относится к зоне ответственности сразу нескольких теоретических и практических курсов (в частности, теоретические фонетика, грамматика, стилистика, история языка, лексикология, равно как и

практические курсы языка). Курс внимательного чтения (аналитического чтения, интерпретации) занимается тем, что изучает, каким образом возникает и усматривается смысл текста, каковы типы усматриваемых смыслов, почему текст устроен так, а не иначе. Важно укоренить практику внимательного чтения как часть подготовки в курсе специальностей «лингвистики», поскольку риторика текстов тесно связана с тем, как образуются и циркулируют смыслы в культуре. Ведь именно через создаваемые и интерпретируемые нами тексты мы понимаем мир и наше место в этом мире и в этой культуре. Чтение текста может быть соотнесено с чтением мира культуры. Более того, каждый текст/дискурс (вос)создает свои собственные границы в соотношении с другими текстами и дискурсами. Как следствие, его самоидентичность оказывается вещью крайне неустойчивой и динамичной. А значит, в качестве заявленных целей интерпретации непременно должна ставиться цель установления некоторого равновесия: здесь и сейчас, всегда и везде [9]. Язык, как утверждали Делез и Гваттари, это коллективный инструмент, объединяющий разные использования и формы языка культурными и социальными институтами [7]. Эти формы иерархизированы, и доминирующим является стандартный вариант национального языка, испытывающий постоянное влияние региональных и иных диалектов, жаргонов, стилистических нововведений, а также неформализованный набор всех прежних использований. Несмотря на неспособность текста передать всё разнообразие дискурса, литература как раз и представляет собой попытку преодолеть ограниченность языка.

Практики работы с оригинальными текстами могут быть построены на многих видах интерпретативных действий, используемых в аудитории и при самостоятельном чтении [8]. К основной группе относятся базовые техники понимания через вопрошание. Техника вопрошания используется в начале работы с текстом и состоит в том, что читатель старается идентифицировать значения отдельных слов, выстроить отношения между ними, опираясь на свое знание языка (на всех уровнях и осях, обозначенных в кубе Гилфорда), композиционных структур, знание идиоматики (обращаясь к словарям или контексту), запоминая детали (как дискурсивные черты), пока не имеющие смысла в зарождающемся контексте. Фактически, на этом начальном этапе начинается создание/воссоздание контекста, в который погружен данный текст: кто говорит, к кому обращена речь, где и когда это происходит, как речь связана с событиями, о которых говорит текст. Мир, созданный текстом, постепенно начинает формироваться, оставаясь пока фрагментарным. При следовании подобным интерпретативным стратегиям (как в отношении художественных текстов, так и в отношении всех иных), постепенно реципиент переходит от техник формирования экспектаций к техникам индивидуирующим – жанроопределяющим (индивидуация есть определение жанра или вида

словесности, в который погружен текст). Посмотрим на начало рассказа Кейт Чопин (Kate Chopin) «История одного часа» (The Story Of an Hour):

Knowing that Mrs. Mallard was afflicted with a heart trouble, great care was taken to break to her as gently as possible the news of her husband's death. It was her sister Josephine who told her, in broken sentences; veiled hints that revealed in half concealing. Her husband's friend Richards was there, too, near her. It was he who had been in the newspaper office when intelligence of the railroad disaster was received, with Brently Mallard's name leading the list of "killed". He had only taken the time to assure himself of its truth by a second telegram, and had hastened to forestall any less careful, less tender friend in bearing the sad message.

Горизонт ожиданий у приступающих к чтению этого короткого рассказа формируется рядом вопросов как контекстуального, так и текстуального характера. Так, читатель слышит имена незнакомых людей, отмечая их в памяти как связанные отношениями родства, соединяя имена с действиями и чертами персонажей (слабое сердце миссис Маллард, манерность и типичность поведения сестры героини, Жозефины, известность возглавляющего список погибших мистера Малларда, преувеличенная любезность его друга) – все они постепенно складываются в мозаику, соотносятся с временем и местом действия. В структуре нарратива читатель слышит разностилевые голоса героев, а не голос некоего внешнего рассказчика (как это становится возможным, относится уже к установлению языковых границ текста и стилевой отнесённости дискурсивных стратегий). Так, постепенно мир текста начинает обретать черты определённости, но по мере его расширения появляются новые вопросы – о вероятном прошлом героев, о значимости деталей для прогнозирования дальнейшего развития событий. Уже на этом первом этапе оценивается и выбор языкового выражения, и нарративные стратегии, и поэтические формы.

Согласно Джону Серлю, относится ли то или иное произведение к литературе, решают читатели, относится ли оно к художественному вымыслу, решает автор [4]. Различие между текстами *fiction* и *nonfiction* состоит в различии их логического статуса: не существует никакого синтаксического или семантического свойства текста, которое позволило бы идентифицировать текст в качестве художественного произведения, это иллюкутивная установка, которую автор принимает по отношению к нему, и эта установка определяется совокупностью иллюкутивных намерений, которые имеет автор, когда сочиняет данный текст. Вместе с тем, художественное произведение не обязательно состоит целиком (и обычно не состоит целиком) из художественного (основанного на вымысле) дискурса. Использование техник интендирования и схематизации [3] с самых первых этапов внимательного чтения позволяет сделать процесс интерпретации осознанным («Что я понял и почему»). Оче-

видно, что используемые способы чтения [5] представляют собой техники понимания, но понимания не как пассивной ассимиляции, а как активной деятельности построения контекстов (в терминах герменевтики – рефлексии) и поисков ответа на вопросы (уточнение ожиданий и индивидуаций). Усмотрение смыслов (обращение понимания на текст) происходит в индивидуальном режиме, хотя техники понимания и действия с текстом и лингвокультурные предпосылки являются коллективным достоянием. Каждый читатель вступает в собственный диалог с текстом и его автором (в терминах Гадамера – разделяет с ним горизонт), при этом речь не идёт о возможности постижения некоего единственного и «истинного» смысла, подлежащего проверке с помощью референций мира текста к миру реальному. Смыслы текста восстанавливаются (усматриваются, придумываются) в процессе непрерывного соотношения текста и контекста: формальной структуры текста (языкового выражения) и того фонового знания, опыта (чувствования, действия, чтения и т.п.), которые читатель привносит в акт чтения. Рефлексивная реальность реципиента неизменно отражает его субъективность: такие факторы, как место и время чтения, пол, возраст, культура, социальное положение – всё это становится определяющим для выбора интерпретативных стратегий, и вместе с тем, ограничивает горизонт понимания. Не последнюю роль играют и цели, с которыми читатель подходит к тому или иному тексту. Действия с текстом в мире дискурсивных практик составляют важную часть культурного багажа человека.

Среди других техник и практик дискурсивного анализа текста нужно отметить изучение языковых вариаций, усмотрение не прямых способов выражения смысла (фигуры речи и их организация), поэтические формы речи (композиционные и синтаксические варианты), нарративные структуры текста.

Вариативность смыслов следует признать одним из важных принципов работы с дискурсами. Следует отличать нормативность интерпретации от предпочтения единственности процедуры поиска смысла. Усмотрение смысла или смыслов текста требует от реципиента множественных вопросов, феноменальности понимания (в отличие от эпифеноменальности и отсекающей всех вопросов, кроме тех, что кажутся наиболее очевидными и удобными). Вариативность смыслов не следует рассматривать как амбивалентность и утрату истинности или ясности. В рамках интерпретации вариативность оказывается продуктивным способом наблюдения работы языка в дискурсе (например, ангажированности языковых форм, роли языка в формировании идеологии и т.п.).

В процессе чтения мы неизбежно имеем дело с разными усматриваемыми смыслами, а принципы схематизации и растягивания смыслов позволяют увидеть мозаику взаимодействующих между собой смыслов. Установки при чтении могут выводить на разные типы смыслов: на усмотрение авторской интенции (не путать с тем «что хотел сказать автор»), смысл текста как

такового (так называемая «объективная интерпретация» в ходе которой формальные структуры текста становятся определяющими), смысл текста для индивидуального читательского восприятия (“reader response” подход), смысл текста как экстраполяции механизмов и техник интерпретации. В истории литературного и лингвистического анализа доминировали разные типы усматриваемых смыслов и интерпретативных подходов, при этом одним мог быть ведущим при неизменном наличии других (см. [5]).

Очевидно, ожидания и потенциальный горизонт начинают формироваться на самом начальном этапе чтения текста с помощью ответа на вопросы текстуальные и контекстуальные, вопросы к действительности самого текста, референциальных и интертекстуальных вопросов, вопросов языкового качества текста, степени открытости и закрытости текста и его обращенности к конкретной аудитории, элитарности или народности, эмоционального отклика и типичности. Все эти плоскости вопрошания имеют рефлексивную природу и становятся отправной точкой для реализации техник понимания текста всех групп (см. [3]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богин Г.И. Уровни и компоненты речевой способности человека. Калинин: КГУ, 1975. 106 с.
2. Богин Г.И. Современная лингводидактика. Калинин: КГУ, 1980. 61 с.
3. Богин Г.И. Интерпретация текста: Учебно-методические материалы для студентов IV курса ДО и V курса ОЗО отделения английского языка ф-та РГФ. Тверь: Твер. гос.ун-т, 1995. 38 с.
4. Серль, Дж. Р. Логический статус художественного дискурса // Логос. 1999. № 3. С. 34–47
5. Is there a Single Right Interpretation? (Studies of the Greater Philadelphia Philosophy Consortium). Ed. By M. Krausz. Pennsylvania: The Pennsylvania University Press, 2002. – 423 p.
6. Iseminger, G. Intention Interpretation // Series: The Arts and Their Philosophy. Temple University Press, 1992. – 304 p.
7. Lecercle, J.-J. Deleuze and Language. Palgrave MacMillan, 2002. – 274 pp.
8. Rapaport, H. The Literary Theory Toolkit: A Compendium of Concepts and Methods, Wiley-Blackwell, 2011. – 312 p.
9. Robyns, C. Translation and discursive identity // Poetics Today. Vol. 15, No. 3, Autumn, 1994. Pp. 405-428

ЯЗЫК И ВРЕМЯ: ТРИ АСПЕКТА ПРОБЛЕМЫ

О.В. ОСИПОВА

Тверской государственный университет, г.Тверь

Настоящая статья посвящена анализу проблемы взаимоотношения языка и времени с позиций философии лингвистики. Неотрадиционная лингвофилософская теория профессора В.С. Юрченко помогает глубже исследовать проблемы онтологии языка, основной из которых и является вопрос о связи языка и времени.

Ключевые слова: философия языка, язык, время